
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

БОРИС ДАВЫДОВ

МОСКОВИТ-2

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д13

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления
художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Е. Деко*

Давыдов, Борис Алексеевич.

Д13 Московит-2 / Борис Давыдов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-699-93165-1

Бывший офицер спецназа Андрей Русаков, оказавшийся волею судьбы в XVII веке, при дворе князя Иеремии Вишневецкого, и назначенный его первым советником, взялся за осуществление задуманного плана. Оторвавшись от преследования казаков гетмана Хмельницкого, Андрей начал, наконец, производство новых для этой эпохи видов боевой техники и приступил к обучению личного состава. Тем временем разгорается пламя войны, начатой Хмельницким. Польский сейм посылает на подавление восстания большое войско, в Москве напряженно думают, как лучше поступить с Хмельницким — поддержать или отказать в помощи, чтобы не портить отношений с Речью Посполитой. У Андрея полно своих забот, а тут еще любимая женщина преподнесла неожиданный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93165-1

© Давыдов Б., 2016
© ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Мужчина старался говорить с безупречной вежливостью, как и подобало благородному шляхтичу. Но казалось, что каждое слово застревает у него в горле:

— Прошу мою крулевну войти в этот скромный дом, стать в нем полновластной хозяйкой! Все, что имею, брошу к ее ногам!

Женщина с застывшим, напряженным лицом, даже не повернув к нему головы, кивнула:

— Теперь я вижу, что была несправедлива к пану...

— Як бога кохам, слова моей богини, будто бальзам на рану! — торопливо воскликнул Данило Чаплинский, просяив. — Хвала Езусу, наши ссоры, недоразумения — в прошлом! Теперь ничто не помешает нашему счастью...

— Пан не дослушал меня! — с ледяным презрением перебила Елена. — Я хотела сказать: хоть в чем-то пан не соврал! Теперь я вижу, что он все-таки способен хоть изредка говорить правду! Дом действительно скромен. Даже очень скромен! По сравнению с Суботовым...

Гордо вскинув голову, она жестом поманила за собой камеристку и пошла к парадному входу. Прислуга, выстроившаяся по обе стороны аллеи, торопливо и низко кланялась, испуганно косясь на новую хозяйку.

Чаплинскому, до боли стиснувшему кулаки, вдруг страстно, безумно захотелось выхватить у кучера кнут, размахнуться и ожечь ее что есть силы поперек спины. Пусть это позорно и недостойно шляхтича, но лишь бы согнать с этих змеиных губ презрительную усмешку, услышать пронзительный бабий визг... С великим трудом подстароста чигиринский одолел дьявольское искушение. От лютой обиды, жгучего стыда и ненависти перехватило дыхание, кровь прилила к голове.

«Дьяволица... Будь ты проклята! Зачем, зачем только попалась мне на глаза?!»

Часть I

Глава 1

Дьяк Астафьев, опасливо косясь на рассерженного царя, договорил:

— Уж не прогневайся, государь... Все перерыли, со всем тщанием! Стены и те простукали, потайные ходы выискивая... Ушел лиходея! И след простыл.

Алексей Михайлович как-то странно дернул головой, сердито, по-кошачьи, фыркнув.

— А что ж люди, которые снаружи стерегли? Спали, что ли?

— Боже упаси! — торопливо закрестился перепуганный дьяк. — Глаз с Англицкого подворья не спускали...

— Ну, так где же он? Где этот Андрюшка?! — Голос царя, налившись силой, загудел, задрезжал, лицо покраснело от ярости. — Упустили, щучьи дети?!

Дьяк, всхлипнув, повалился на колени:

— Твой топор — моя голова, государь... Коли хочешь — вели казнить. Только Христом Богом клянусь, сам не ведаю, каким чудом тот лиходея скрылся! Уж не нечистая ли сила ему помогла?..

— Чур меня, чур! — едва не подскочил на месте юный царь, осенив себя крестным знаменем. — Типун тебе на язык!

— Прости, государь... То по глупости, по испугу...

Алексей Михайлович перевел дыхание, силясь прогнать подступившую ярость. Негоже государю

в гнев впадать, это смертный грех и делу не подмога, а лишь помеха... Вон как дьяк перепугался: лицо белое, губы трясутся, пот течет ручьем... С такого человека много ли толку?

— Встань! — махнул рукой царь. — Нечего в ногах валяться, пыль собирать... И не трясись, как заяц! Что упустил лиходея — не похвалю. Но и казнить не буду. Оплошал — сам и исправишь. Воля моя такова: искать Андрюшку денно и ночью! Найти хоть на краю земли! Живым взять и сюда, в Москву! Чует сердце, не просто так он начал народ баламутить...

— Будет сделано, государь! — выдохнул взмогший дьяк. — Живота не пожалею, все силы отдам, до последней капли... Изловим подлеца! Все до днышка выложит: по чьей воле али уговору подбивал на лихое дело люд православный! Какому заморскому государю служил!

— Вот-вот! — кивнул Алексей Михайлович. — Вижу, понимаешь ты меня. Наверняка следы за границу ведут... А пока Андрюшка не пойман, возмиська за тех воров, что на него показали, да покрепче! Прежде всего за упертых, кои только под пыткой и заговорили... И тех, что сразу языки развязали, — тоже на дыбу! Нечего их жалеть, смутьянов! За то, что по их милости на Москве творилось, шкуру заживо драть надобно... Учিনি допрос строгий да усердно сверяй с прежними сказками¹: не начнут ли переменные речи² молвить?

— Учиню, государь! — сверкнул глазами дьяк. — Проклянут воры тот день и час, когда решились против помазанника Божьего выступить!

¹ Показаниями (уст.).

² Менять показания (уст.).

— Только не переусердствуй! — наставительно погрозил пальцем царь. — С покойников-то какой спрос...

— Боже упаси! Живы останутся! Пока ты, государь, казнить их не повелишь. Или, может, пожелаешь милость свою им оказать...

Алексей Михайлович вновь как-то странно фыркнул. «Будто кот чихает!» — подумалось вдруг дьяку, и он тотчас же опасливо поежился. Хоть никто мыслей его подслушать не мог.

— Кому-то, может, и окажу! — усмехнулся юный царь. — Хоть все до единого смерти повинны, а все ж вины их разные... А вот Андрюшка пусть и не мечтает! Такой лютой казни злодея предадим — сам царь Иоанн лопнул бы от зависти! Прости, Господи... — усердно и торопливо закрестился он, кладя поясные поклоны перед иконостасом.

Дьяк поспешил последовать его примеру.

— Что тебе потребно для розыска? — обернулся к нему царь, выпрямившись. — Людей, денег? Бери, требуй моим именем! Грамоту тебе на то дам, действуй! Ни перед кем не отчитывайся, ничьего позволения не спрашивай! Дело-то больно важное, государственное... Ты, дьяче, теперь важнее иного думного боярина, пусть хоть от самого Рюрика род свой ведет! Только передо мною одним будешь ответ держать, ясно? Но гляди у меня, вольности лишней не бери, страх Божий не забывай. А не то... Я тих, добр, но могу и по-настоящему прогневаться!

— Государь, да чтоб мне...

— Помолчи! — оборвал дьяка Алексей Михайлович. — Верю тебе! Верю. Однако же предупредить не лишне. Вон Морозову тоже верил, а что вышло в итоге?! Ступай, дьяче! Принимайся за дело.

Глава 2

Застолье шло уже не первый час, съедено-выпито было столько, что иному стороннему наблюдателю сделалось бы дурно при одной мысли: «Как в них помещается?!» Но люди, собравшиеся за гетманским столом, хоть и дышали с натугой, утирая взмокшие лбы, и распустили пояса, явно не собирались расходиться.

Сыны сурового времени, они знали цену маленьким житейским радостям и отдавались им всей душой, не признавая меры. Коль стол ломится от яств, а радушный хозяин без устали потчует, упрашивая отведать то одного, то другого блюда, как тут устоять?! Да ежели еще усердные джурь без устали наполняют кубки, чем только велишь... А выбор хоть самому королю впору: добрая обжигающая горилка, хмельной мед, взятые в добычу под Корсунем вина италийские, угорские, французские (ни в чем не оказывали себе паны, точно не на битву собирались, а на приятную прогулку!). Словом, гости отдали обильную дань гетманским запасам. И сам хозяин не ударил в грязь лицом, показав, что не только на поле брани может вести за собой.

— Браты-товарищи! — громко произнес Хмельницкий, опершись левой ладонью на столешницу, чтобы подняться. Сидевший рядом генеральный писарь Выговский, поспешно отставив кубок, подхватил гетмана под локоть, осторожно подтолкнул кверху, помогая. Богдан, поблагодарив кивком, выпрямился, мысленно отметив: пора бы уже заканчивать, ноги будто чужие, и в голове гудит. — Вот что сказать вам хочу... Великое дело мы затеяли! Поначалу и не верилось, что фортуна к нам благоволит бу-

дет. Всего два месяца назад сколько нас было? Шесть реестровых полков, и только! Курам на смех!..

— Почто обижаешь, батьку? — тут же вскинулся здоровенный казак, лицо которого пересекал наискось белесый сабельный шрам. Оно — с резкими чертами, суровое, будто вытесанное из каменной глыбы, сейчас было растерянным, как у ребенка. — Неужто мои брацлавцы не казаки?! Иль в доблести другому полку уступят?!

— Да не о том речь, Данило! — махнул рукой Хмельницкий. — Я хочу сказать, что сила наша возросла многократно! И за столь дивно малый срок! Было шесть полков — стало без малого двадцать. И это только начало! Завтра тридцать будет, послезавтра все сорок! Великая сила! Кто сможет ее одолеть?

— Никто! — заревели дружным хором десятки луженых глоток. Да так, что стража у входа в первый миг встрепенулась, гадая, не бежать ли на шум...

Казак со шрамом, всхлипнув, воздел над головой наполненный кубок:

— Батьку Богдане, отец наш! Да я за тобой — хоть в пекло! И весь мой Брацлавский полк пойдет, до последнего казака! Слышите, панове полковники?! Это говорю я, Данило Нечай!

— И я пойду со своими чигиринцами! — взревел полковник Федор Якубовский, сверкая глазами, будто хищный зверь.

— И я с черкасцами! — подхватил Иван Вороненко.

— А мои переяславцы самыми первыми пойдут! — потряс кулаком здоровенный верзила Федор Лобода.

— А вот тебе! — ехидно оскалившись, сунул ему

под нос дулю Мартын Небаба. — Разве только за моими черниговцами поспешат...

— Да я тебя!!! — Кулак Лободы смачно впечатался в Мартынову скулу. Командир черниговцев, нелепо дрыгнув ногами, брякнулся спиной на пол.

Сидевший по правую руку от переяславского полковника командир Нежинского полка Прокоп Шумейко, грузный, как медведь, и примерно такой же сильный, изумленно поднял брови:

— Моего друга бить?!

И в следующий миг, опередив негодующий окрик гетмана «А ну, унялись!», коротким и точным ударом в ухо свалил Лободу.

* * *

Когда через некоторое время в гетманскую горницу осторожно заглянул дежурный казак, он застал дивную картину: паны полковники, по-прежнему сидя по обе стороны длинного стола, тяжело, хрипло дышали и яростно сверкали друг на друга глазами, точно коты в начале весны. По крайней мере, те, у кого глаза не превратились в узенькие щелки из-за быстро распухающих и темнеющих «гуль». У иных были изрядно прорежены чуприны¹, у кого-то порваны вороты расшитых рубах... Сам пан гетман, возвышаясь над ними, гневный и непреклонный, был удивительно похож на строгого наставника, обращающегося к непослушным бурсакам. Недоставало только скамьи для порки и пучка розог.

— ...Христом Богом клянусь: ежели еще хоть раз позволите себе такое непотребство... — Хмельницкий,

¹ То же самое, что «оселедец» — длинный клочок волос, оставленный на голове после бритья (*укр.*).

краем глаза заметив вошедшего, гневно стукнул кулаком по столу: — Что такое? Почему явился без вызова?! Я же велел: не беспокоить без серьезной причины!

— П-посол к твоей гетманской милости... — с немалым трудом вымолвил изрядно напуганный казак. — Просит допустить! Привез лист¹ от воеводы киевского и брацлавского Адама Киселя...

— Посол?! — Гетман яростно тряхнул головой, приходя в себя и отгоняя обуявший его гнев. — Кто таков? Как его имя?

— Не знаю, пане гетмане... Он не назвался. Но грамоту от воеводы показывал, там все честь по чести... Послан, мол, к тебе с листом!

— А в грамоте что, имени его не было?

Казак растерянно захлопал глазами, силясь вспомнить. Гетман, досадливо поморщившись, махнул рукой.

— Ладно, чего уж там! Зараз сам назовется. А ну, братья-товарищи, сдвиньтесь-ка поплотнее, место послу освободите! Гей, джурь, живо кубок для гостя, блюдо, нож да вилку! Попотчuem ляха по-нашему, по-казачьему... Чтобы не жаловался потом пану Киселю, будто гетман Войска Запорожского его голодом мори́л! — Обернулся к казаку: — Дайте ему умыться с дороги, примите оружие да ведите сюда. И поживее!

Федор Лобода, один глаз которого заплыл, а из уголка рта стекла тонкая струйка крови, начавшая запекаться, болезненно морщась, зажимая ладонью правое ухо, взмолился:

— Батьку!

— Что, Федоре? — с подозрительно-ласковым участием спросил Хмельницкий.

¹ Письмо (укр., польск.).

— Батьку, не срами! Чтобы в таком непотребном виде — и перед ляхом?! Позволь уйти...

— И мне позволь! — набравшись храбрости, кое-как двигая разбитыми губами, попросил Мартын Пушкарь — командир Полтавского полка, коему особенно досталось. Видимо, за то, что поначалу полез разнимать дерущихся. Известно же, что такова участь миротворцев: получать и с одной, и с другой стороны...

— И мне! — сгорая от стыда, произнес Кондрат Бурляй, начальник Гадячского полка, придерживая разорванную почти до пояса рубаху. — Срам-то какой!

— Цыть!!! — рыкнул гетман, гневно насупившись. — Поздно вы, панове полковники, про срам вспомнили! Нет уж, воля моя — оставайтесь! Покрасуетесь перед ляхом боевыми ранами, авось поумнеете...

Глава 3

Елена, медленно обведя глазами комнату, откинулась на высокую узкую спинку старого кресла. У нее был вид женщины, пытающейся пробудиться от ночного кошмара.

— Пани... — не выдержав, всхлипнула Дануся, ее личная камеристка, бывшая заодно и наперсницей. — Пани, як бога кохам... Не надо так, заклинаю! Точно в собственную могилу глядите...

Бывшая любовница казачьего сотника, а ныне — законная супруга беглого подстаросты чигиринского, улыбнулась. И ее улыбка была так страшна, что у верной Дануси застучали зубы.

— Ты права, милая... Вот в нее-то и гляжу! Сама выкопала, сама к краю подошла. Осталось только закрыть глаза, помолиться, воскликнуть: «Создатель, прими мою душу!» И вниз...

— Пани! — Служанка в отчаянии заломила руки, упав на колени. — Не надо отчаиваться! Езус милостив, все еще можно исправить!

— Как?! — с безнадежным равнодушием человека, приговоренного к смерти, пожалала плечиками Елена. — Ты же видишь, надежды нет. Сладкоголосый соловей обернулся бесстыдным вруном, ничтожеством... Вот он, его пышный маеток! — со злым, истеричным смешком пани Чаплинская обвела рукой по сторонам. — Да в Суботове хата управителя была лучше! А как разливался-то, какие богатства сулил! Помнишь?

— Помню, пани... Прямо сладкой истомой грудь сводило от его слов, сердце замирало! Такое являлось в мечтах! Будет, думала, пани Елена блистать в столице. Да так блистать, что самое пышное панство, ее увидев, покой и сон потеряет, богатыми дарами завалит с головой... Может, от щедрот пани тогда и мне чего перепадет... — Дануся вздохнула, покачала головой, словно пытаясь отогнать навязчивое видение.

— Да, сердце замирало! — с горькой усмешкой кивнула Елена. — Как же не замереть ему от таких-то обещаний? Палацы в Варшаве и Кракове, балы, пышные выезды, золоченые кареты с лучшими кровными лошадьми... Будет, мол, богиня моя с серебряных блюд кушать, из золотых кубков пить, диамантами да жемчугами осыплю с ног до головы... Мерзавец! Негодяй! — Ее прекрасное лицо, искаженное от злобы, сейчас казалось на редкость отталкивающим.

Камеристка торопливо, услужливо подхватила: